

Сергей Григорьевич Кащенко, доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
kgs2004@yandex.ru

Экономические последствия освобождения помещичьих крестьян на территории «исторической» Ингерманландии. К вопросу о трансформации структуры наделов и платежей¹

Реформа 1861 года, Ингерманландия

Reform of February 19, 1861, Ingermanland

Статья посвящена изучению проблем реализации реформы 19 февраля 1861 г. на территории Ингерманландии. Внимание уделено важнейшим показателям, определявшим состояние крестьянского хозяйства, — размерам наделов и величине повинностей в пользу помещиков, а также анализу до- и послереформенной структуры наделов и платежей, характера ее трансформации в ходе реформы в зависимости от уровня хозяйственного развития, географических особенностей уездов, формы эксплуатации.

The article is devoted to the study of problems related to the implementation of the reform of February 19, 1861, in Ingermanland. Attention has been focused on the most important indicators of the state of peasant farming: the size of allotments, and the size of obligations to the serfowners. Attention is also focused on analyzing the pre- and post-reform structure of allotments and payments, the character of their transformation during the course of the reform, depending upon the level of economic development, the geographic characteristics of districts, and the form of exploitation.

В российской историографии реформы 1861 г. на протяжении многих десятилетий особое внимание уделялось вопросам изучения

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант № 10–01–00632 а/Ф.

экономических последствий отмены крепостного права в бывшей помещичьей деревне. В большей степени они затрагивали крестьянские хозяйства, и в этом случае на первый план выходили проблемы, связанные с трансформацией структур наделов и платежей².

Современные исследования, проводимые в этом направлении, базируются на компьютерном анализе больших массивов уставных грамот, входящих в дела о выкупе земельных наделов временнообязанными крестьянами³, хранящихся в Фонде 577 Российского государственного исторического архива (далее — РГИА). Широко используются и документы губернских по крестьянским делам присутствий, отложившиеся в ряде областных архивов.

Следует отметить, что в настоящее время в ряде научных центров России и Финляндии (следует упомянуть университеты Санкт-Петербурга, Хельсинки, Турку, Восточной Финляндии) проявляется интерес к детальному изучению экономики приграничных северо-западных районов Российской империи, среди которых выделяется территория «исторической» Ингерманландии, входившая в середине XIX в. в состав Петербургской губернии. В этой связи ситуация в аграрном секторе столичной губернии в середине XIX в. становится важным объектом для исследования.

Изучение результатов реформы сталкивается со сложностью экономических взаимоотношений помещиков и крестьян, неоднозначностью процессов, происходивших в ходе отмены крепостного права. Документы с трудом поддаются статистическому анализу без применения современных информационных технологий. Ситуация изменилась в связи с завершением создания баз данных на основе материалов Фонда 577 РГИА (выкупные дела крестьян Санкт-Петербургской губернии) и документов Фонда 190 Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (Губернское по крестьянским делам присутствие).

Данные были обработаны с использованием статистических пакетов программ. Некоторые результаты, имеющие отношения к территории Ингерманландии, представлены в настоящей статье.

Главное внимание уделено изучению структур крестьянских наделов и платежей, определению особенностей их деформации, произошедшей в ходе реформы, ее зависимости от уровня развития хозяйства отдельных волостей и уездов, экономико-географических особенностей, сложившихся здесь социально-экономических отношений.

² Статья является расширенной версией доклада, сделанного автором в Университете Хельсинки в 2011 г.

³ Подробнее об уставных грамотах, составлявшихся в помещичьих имениях в 1861–1863 гг., см.: [1, с. 60–70].

К середине XIX в. северная часть столичной С.-Петербургской губернии, где находилась территория Ингерманландии, располагалась на обширном пространстве, ограниченном рекой Наровой, берегами Финского залива и Ладожского озера.

В целом в состав губернии в середине XIX в. входили подстоличный Петербургский, расположенные рядом Царкосельский, Шлиссельбургский, Петергофский⁴, несколько более отдаленный от столицы Ямбургский, а также Лужский, Новолодожский, Гдовский уезды. В настоящей статье будет рассмотрена экономическая ситуация в помещичьей деревне первых пяти уездов, включающих земли т. н. «исторической» Ингерманландии.

Петербургский уезд на севере граничил с Выборгской губернией, находившейся в это время в составе Великого княжества Финляндского, а также соседствовал с Царкосельским, Шлиссельбургским и Петергофским уездами. Этот сравнительно небольшой по площади уезд играл значительную роль в политической, экономической и культурной жизни губернии.

Шлиссельбургский уезд располагался в северо-западной части Ингерманландии. Нева делила его на две части, заметно отличавшиеся по географическому положению, составу населения и социально-экономическим характеристикам. Центральную часть района занимал Царкосельский уезд. Территория Петергофского уезда на севере ограничивалась побережьем Финского залива. Ямбургский уезд располагался в западной части Ингерманландии, гранича по реке Нарове с Эстляндской губернией.

Почва и климат в «ингерманландских» уездах, как, впрочем, практически на всей территории столичной губернии, не способствовали развитию земледельческих занятий местного крестьянства. Тем не менее в Петербургском уезде весьма скудные почвы его северной части кормили население пяти волостей (Коркиомякской, Лемболовской, Кюлиятской, Осинорощинской, Вартемякской), составлявших своеобразную земледельческую зону. Следует заметить, что здесь проживало значительное число финских крестьян.

В этом же уезде важную роль играли «промысловые» волости, в основном обслуживающие столицу. Так, во второй половине XIX в. современники выделяли особый «дачный» район, занимавший части Муринской, Парголовской, Стародеревенской и Полюстровской волостей, и «фабрично-ремесленный», включавший Александровскую,

⁴ В 1848 г. Ораниенбаум утратил статус уездного города, и административные уездные учреждения были переведены в Петергоф.

Московскую, Рыбацкую, Усть-Ижорскую и оставшуюся часть Полюстровской волости.

В «дачном» районе крестьяне занимались извозом, вывозили из города нечистоты, выращивали и продавали овес и овощи, продукты животноводства, «состояли в услужении» и практически весь летний период сдавали горожанам строения под дачи.

В «фабрично-ремесленном» районе местные крестьяне подрабатывали на предприятиях сами и отправляли на заработки детей, сдавали жилье рабочим, доставляли сырье и вывозили готовую продукцию. Известно, что по степени развития различных видов промышленности уезд существенно выделялся в губернии: на расположенных здесь фабриках и заводах работало свыше 15 000 рабочих, стоимость продукции оценивалась в 19 млн руб. (в то время как на остальные 7 уездов приходилось около 24 млн руб.)⁵.

В «заневской» части Шлиссельбургского уезда значительные территории в эти годы совершенно не культивировались. Земледелие здесь было возможно только на небольших участках земли с применением мелиорации. В южной части уезда, в местностях, прилегающих к Неве, и в районах вблизи столицы, хозяйство можно было вести с использованием удобрений, вывозимых из города. Большие площади занимали в этой части уезда дровяные леса.

В Царскосельском уезде выращивались «серые хлеба» и картофель. Здесь было сравнительно много крупных по губернским меркам городов и поселков, функционировала развитая транспортная система, что позволяло наладить сбыт молочных продуктов, овощей и ягод, сена и овса. Были распространены извоз и «дачный промысел», крестьяне часто находились в «личном услужении» у состоятельных горожан, а крестьянки (особенно в финских семьях) за плату брали на «выкормление» питомцев, детей из Петербургского воспитательного дома. Многие находили работу на петербургских заводах и фабриках.

Во многом похожей была ситуация в соседнем Петергофском уезде. В самом Петергофе число горожан существенно вырастало летом за счет дачников и «воспитанников всех военных учреждений С.-Петербурга». Сдача домов считалась главным «источником благосостояния местных жителей».

Между тем, сельское население уезда преобладало над городским. Кроме традиционного русского и финского крестьянства здесь встречались немецкие колонисты. Русских в уезде было менее половины, здесь проживало около 17 000 финнов, 9500 води и ижоры.

⁵ Подробные данные о распространении промышленности в губернии приведены в табл. 1 Приложения.

Петергофские крестьяне издавна занимались земледелием, но своим хлебом население себя не обеспечивало. Близость столицы и ряда городов привели к распространению неземледельческих занятий крестьян. Зажиточные, в основном зимой, занимались извозом, бедные работали на петербургских и кронштадтских заводах и фабриках.

Ямбургский уезд относился к «земледельческо-промышленным». Собираемого здесь хлеба не только хватало для прокормления местных жителей, но он шел также на винокурение и частично сбывался через Нарву. На уровень сельского хозяйства оказывали влияние более прогрессивные формы земледелия соседних прибалтийских губерний. Кроме традиционных для региона «серых хлебов» и картофеля здесь выращивались на продажу овощи, фрукты и ягоды. В С.-Петербург отправлялась и молочная продукция.

Часть населения уезда занималась рыболовством, лесными промыслами, лоцманством. Крестьянки за определенную плату брали на воспитание детей.

По данным 10-й ревизии, обработанным известным российским статистиком А. Тройницким [2, с. 40], крестьянское население помещичьих имений Ингерманландии, составляло 50 454 души м. п. тяглых крестьян и 2872 души м. п. дворовых. По уставным грамотам численность тяглого крестьянского населения составляла 56 280 душ м. п., дворовых насчитывалось 2043 человека⁶. Это свидетельствует о репрезентативности сохранившихся архивных документов.

Если сравнить численность помещичьих «ингерманландских» крестьян с общим количеством крепостных в губернии, то оказывается, что тяглых крестьян здесь было 47,1% от всего количества крепостных, а дворовых — 51,7%. Оставшиеся три уезда: Новоладожский, Гдовский и Лужский — были весьма крупными (по губернским меркам) и по числу крепостных даже несколько превосходили пять «ингерманландских».

Более развернутое представление о численности «сельских сословий» в губернии дает нам табл. 2, приведенная в Приложении.

Для того чтобы оценить уровень социально-экономического развития региона в середине XIX в., можно проанализировать цифры,

⁶ Расхождение объясняется тем, что в созданную нами базу данных попали и крестьяне некоторых особых категорий, освобождение которых иногда также происходило на основании «Положений» 19 февраля 1861 г. Однако помещичьи эти крестьяне считаться не могут и далее в нашей статье рассматриваться не будут. В частности, в числе таких имений оказалось Павловское дворцовое имение великого князя Константина Николаевича, где уставная грамота была составлена в августе 1861 г.; имения, принадлежавшие великой княгине Елене Павловне.

характеризующие распространение различных форм эксплуатации в помещичьей деревне. Подробные сведения о распространении различных форм эксплуатации в помещичьей деревне Ингерманландии приведены в нашей работе, посвященной анализу крестьянских наделов [3, с. 93].

На рассматриваемой нами территории около четверти помещичьих крестьян исполняли барщину, а остальные, примерно в одинаковых пропорциях, состояли на оброке и смешанной повинности.

В центральной части региона (Петербургском, Царскосельском и Шлиссельбургском уездах) доля оброчных крестьян превышала уровень 40–50%. В основном это было связано с широким распространением разнообразных промыслов и развитием здесь товарно-денежных отношений.

Следует отметить также, что в ряде уездов губернии важную роль играли смешанные формы эксплуатации. Показательным в этом плане стал Петергофский уезд. Это свидетельствует о разнообразии хозяйственных отношений, сложившихся между местными помещиками и их крепостными.

С продвижением на запад, к границе с Эстляндией, численность барщинных заметно возростала, приближаясь к 38% в Ямбургском уезде. Здесь располагались помещичьи хозяйства, использовавшие традиции и агротехнические приемы соседних прибалтийских губерний. В этих условиях ведение барщинного хозяйства оказывалось выгодным для помещиков. Однако этот уезд нельзя назвать типичным для столичной губернии.

Одним из наиболее важных сюжетов, связанных с вопросами реализации крестьянской реформы, является изучение размеров крестьянских наделов накануне и после 1861 г., степени трансформации сложившейся структуры наделного землепользования. Этот вопрос был детально рассмотрен в статье, посвященной крестьянским наделам в Ингерманландии [3, с. 85–102]. Поэтому остановимся только на важнейших выводах.

В ходе исследования были рассчитаны средние размеры крестьянских наделов до и после реформы для отдельных уездов (и их частей) (см. табл. 3 Приложения), а также для различных категорий крестьян, проживавших в них. Оказалось, что на эти размеры сильное влияние оказывал фактор расположения имения ближе или далее 25 верст от столицы. Отдельно рассматривались показатели, включающие

и исключают данные по т. н. «фабричным обществам» и имению коменданта Петропавловской крепости⁷.

Расчеты показали, что наименьший средний размер надела до реформы (3,66 десятины на душу м. п.) наблюдался в Петербургском уезде.

Если временно исключить из рассмотрения «фабричных» и «комендантских» крестьян, то можно сказать, что размеры наделов в крепостной деревне Ингерманландии устойчиво увеличивались при продвижении от центра к периферии.

Такая ситуация объясняется высокой ценностью земли в непосредственной близости от столицы. При этом в силу повсеместного распространения здесь промыслов, ориентированных на обслуживание города, небольшие наделы использовались под огороды, усадьбы и покосы и гораздо реже — в качестве пашни.

В периферийном Ямбургском уезде, при сравнительно развитом земледелии, наделы были существенно больше, чтобы прокормить крестьянское население.

Следует отметить и заметные различия в средних размерах дореформенных наделов для групп крестьян, исполнявших различные виды повинностей.

При этом в промысловых оброчных селениях крестьяне обычно мало занимались земледелием и имели небольшие наделы, уступавшие по размерам наделам барщинных крестьян, теснее «привязанных» к земле.

В земледельческих оброчных селениях средний размер надела превосходил тот же показатель для барщинных, так как здесь со своих наделов оброчные кормили не только себя, но и своих владельцев.

Таким образом, размеры наделов крестьян варьировались весьма широко. Они зависели от формы эксплуатации, характера занятий, качества наделов, а иногда и просто от произвола помещиков.

⁷ Значительное число крестьян, приписанных в Петербургском уезде к фабрикам и заводам, было освобождено в соответствии со специальным постановлением от 28 июня 1861 г. Положение этих крестьян было отлично от положения основной массы крепостных. При этом, например, численность крестьян «Ведомства Александровской мануфактуры» составила 11,5% от всего крестьянского населения уезда, и при совместном проведении расчетов общая картина сильно изменялась. Вследствие этого имело смысл рассматривать ситуацию дважды: с учетом и без учета «фабричных» крестьян.

В Шлиссельбургском уезде находилось крупное имение, которым за службу пользовался комендант С.-Петербургской крепости. Статистики-современники событий считали их крепостными. Вместе с тем, как оказалось, положение этих крестьян было гораздо предпочтительнее положения остальных помещичьих крестьян. Как и в случаях с «фабричными» обществами, здесь было разумно провести отдельные расчеты.

После реформы средние размеры крестьянской земли уменьшились, при этом степень сокращения варьировалась в различных уездах. Менее всего, на 17,8%, сократились средние размеры крестьянских наделов в подстоличном Петербургском уезде. Это во многом определялось небольшой величиной дореформенного надела. Дорогая земля и так уже находилась в пользовании крестьян в минимальных размерах, а отрезка пятой ее части (пусть и небольшой в абсолютном выражении) значила здесь никак не менее, чем более значительное сокращение наделов на окраинах губернии. Примерно столько же земли (22,5%) было отрезано у шлиссельбургских крестьян. Отметим, однако, сильное искажающее влияние на общую уездную картину, оказывавшее владением коменданта Петропавловской крепости, крестьяне которого находились на более льготных условиях.

Более значительным сокращение было в Ямбургском, Царско-сельском и Петергофском уездах, где было отрезано до трети, а иногда и более, площади крестьянских наделов.

Закономерностью стало многократное (в 10–20 раз) превышение размеров отрезки крестьянских земель над ее прирезкой. Последняя обычно составляла 1–2% и встречалась у 10–20% бывших крепостных.

Весьма существенны изменения, произошедшие в структуре наделов в ходе реформы. Значительно сократился диапазон вариации наделов (практически исчезли крупные наделы), произошла группировка размеров наделов в каждом из уездов вокруг величин высшего для этого уезда размера надела.

Такая ситуация объясняется механизмом наделения крестьян землей, осуществлявшегося в соответствии с Местным положением⁸.

Усреднение пореформенных наделов указывает на частичное стирание различий в крестьянском землепользовании. Новая структура наделов явилась в дальнейшем исходной точкой для послереформенной дифференциации в среде ингерманландских крестьян.

⁸ В тех случаях, когда крестьянские наделы превышали установленный в уезде высший размер, помещик имел право сократить их до этого размера. Если крестьянские наделы до реформы попадали в интервал от низшего (составлявшего одну треть от высшего) до высшего размера, они обычно сохранялись, если же были меньше низшего, могла произойти прирезка.

При наделении крестьян высшим размером надела помещик мог требовать от них и высший размер оброка. Если же наделы устанавливались более высшего размера, то все равно поднять оброк было нельзя. Таким образом, наделение сверх высшего размера в экономическом отношении было для помещика в подавляющем большинстве случаев нецелесообразным. Если же в имениях, не имевших особых экономических выгод, у крестьян были малые наделы малоплодородной земли, меньше высшего размера, то их специально увеличивали до этой «нормы» с целью получения максимальных платежей.

Отметим, что наибольшие потери в земле понесли не крестьяне Ингерманландии, а бывшие крепостные трех периферийных уездов губернии (Гдовского, Лужского, Новолодожского), где отрезки составили 36–39 %. В этих уездах в пользовании крестьян находились до реформы обширные наделы малопродуктивной земли, которые также сокращались до размеров высшего надела.

Отсталые, не развитые в промышленном отношении, Гдовский и Лужский уезды в эти годы получили, пожалуй, наиболее сильное потрясение. Множество крестьянских хозяйств, потерявших более трети земли, не смогли перестроиться, стали недоимочными, что и сделало впоследствии столичную губернию одной из самых недоимочных в России.

В целом, реформа 1861 г., освободив крепостных, дала им возможность распоряжаться своей личностью, рабочими руками и средствами и в то же время, нанесла заметный удар по землепользованию, который оказался далеко не равнозначным по силе для различных групп крестьян. Новая деформированная структура наделов стала исходной точкой, от которой крестьянское хозяйство пошло по пути постреформенного развития.

Параллельно с сокращением крестьянских наделов на территории Ингерманландии шел процесс изменения платежей.

Для начала рассмотрим ситуацию в Петербургском уезде, которая представляется нам наиболее интересной.

На всей территории столичной губернии дать систематическую денежную оценку барщине и издельной части смешанной повинности для подавляющего большинства имений не представляется возможным. Однако мы имеем достоверные данные о размерах денежных повинностей в оброчной деревне. Здесь можно рассчитать средние значения платежей, а также распределения величин повинностей на душу м.п. и на десятину удобной земли.

В Петербургском уезде до реформы в среднем на ревизскую оброчную душу платежи составляли 8 руб. 55 коп. При этом различия в размерах платежей в разных имениях были весьма заметны. Около 44 % крепостных платили 2–3 руб. с души м.п. Примерно 30 % крестьян — 8–9 руб. В то же время свыше 16 % уплачивали оброк в 19–20 руб., а примерно 6 % — свыше 20 руб.

Небольшие оброки платили крестьяне селений, ранее приписанных к Императорской Александровской мануфактуре, а «по упразднении оной» находившихся в ведении Опекунского совета.

Как правило, платежи крестьян, принадлежавших различным учреждениям⁹, были значительно ниже выплат в помещичьих селениях. Положение в этих селениях нельзя назвать традиционным, однако проживавшие здесь крестьяне составляли значительный процент от всего населения оброчной деревни. Можно отметить, что обычно наделы и платежи этих крестьян не менялись в ходе реформы.

Иная ситуация сложилась в близлежащих к Петербургу имениях, принадлежавших частным владельцам. Несмотря на микроскопические размеры наделов, часто состоящих из одной усадебной земли, платежи крестьянам до реформы устанавливались весьма большие. Примером может служить Лахтинская вотчина А. А. Стенбок-Фермора [4]. В двух ее селениях крестьяне имели около 0,3 десятин удобной земли на душу, а платили по 43 руб. с тягла (в среднем по 20 руб. с души).

После реформы структура крестьянских платежей изменилась. Для местности, в которой находился уезд, были установлены два высших размера платежей (они соответствовали двум высшим размерам надела), равные 10 и 12 руб. с души. Примем также во внимание, что на основании ст. 170 «Местного положения» крестьяне не могли облагаться оброком выше того, какой они платили до реформы.

После освобождения распределение платежей менее 10 руб. с души практически не изменилось. Помещики их не снижали, а повысить не могли. Примерно пятая часть крестьян стала платить 12-рублевый размер оброка. В среднем в оброчной деревне произошло сокращение платежей на душу до 7 руб. 05 коп., т. е. на 17,6 %.

При этом новые платежи бывших оброчных крестьян оказались ниже, чем в среднем по уезду (8,78 руб.). Так, крестьянам, состоявшим до реформы на смешанной повинности, в основном устанавливался высший размер платежей (средний размер платежей — 11,52 руб.). Петербургские помещики в этих случаях могли устанавливать для них высшие размеры платежей, так как, не приводя точной оценки стоимости выполняемых работ, было легко «доказать», что до реформы крестьянские повинности превышали этот размер. Подтверждением сказанному служит то, что никто из этих крестьян не платил после реформы менее 10 руб. В пореформенной барщинной деревне средний размер платежей составил 8,73 руб.

Для уезда были характерны попытки ряда помещиков, владевших подстоличными имениями, поднять размеры платежей более установленного по «Местному положению» высшего размера. При этом

⁹ Процесс освобождения крестьян в таких селениях регламентировался особым постановлением от 28 июня 1861 г.

широко использовались ст. 173 и особенно ст. 174 «Местного положения»¹⁰.

Для регулирования процесса повышения платежей с августа 1864 г. материалы с его обоснованием должны были быть предоставлены в Министерство финансов, а выкупная сумма согласовывалась с Министерством внутренних дел.

Иногда попытки поднять платежи заканчивались успешно для помещика, однако в ряде случаев они получали отказ.

Так, не удалось поднять оброки до 20 руб. с души в имении Волконских-Шишмаревых (деревня Новая). Дело было возвращено из Главного выкупного учреждения, поскольку предлагаемый 20-рублевый оброк превосходил уже не только «высший» размер, но и дореформенную оценку повинностей. Только 2 сентября 1864 г. с «высочайшего разрешения» в имении была установлена величина оброка в 16 руб. [Там же. Л. 6 об.].

Таким образом, в ходе реализации реформы практически параллельно шло сокращение величины крестьянских наделов, и размеров повинностей. Сопоставить эти процессы можно, рассчитав величину повинностей на десятину удобной земли. Понятно, что до реформы этот показатель рассчитывался только в оброчной деревне.

Для Петербургского уезде до реформы средний размер оброка, приходившегося на десятину, был равен 2,64 руб. Причем реальная, не усредненная картина была весьма пестрой. Встречались платежи в 0,6–0,8 руб. и свыше 3 руб.

После реформы платежи оброчных, составлявшие менее 3 руб., сохранились. Средний размер платежей практически не изменился и составил 2,63 руб.¹¹

¹⁰ По ст. 173 Губернскому по крестьянским делам присутствию предоставлялось право по ходатайству помещика повысить оброк (не более чем на один рубль), если крестьяне наделялись пойменными лугами, или если селение находилось не далее 5 верст от города с населением не менее 20 000 человек или имеющего «значительную торговую пристань». Оброк мог быть повышен на эту сумму и тогда, когда в самом селении была пристань, крестьяне могли заниматься рыбной ловлей, или если помещик «докажет, что крестьянам предоставлены такие выгоды и удобства, которые могут служить справедливым основанием к возвышению оброка». Ст. 174 с разрешения Присутствия позволяла помещику поднимать оброк еще выше без указания высшего размера повышения «в селениях, находящихся не далее двадцатипятиверстного расстояния от столиц и занятых дачами», а также в богатых промышленных селениях с обширной торговлей, фабричной промышленностью, «статьями... приносящими значительный доход». По этой статье можно было повысить оброк и в тех имениях, где «особенно ценные поемные луга составляют значительную и притом главную по ценности своей часть крестьянского надела».

¹¹ Для сравнения: средние размеры платежей на десятину в бывшей барщинной деревне составили 3,55 руб., у крестьян, находившихся ранее на смешанной повинности, — 3,33 руб., в целом по уезду — 2,92 руб.

Из этого можно сделать вывод о том, что сокращение наделов и платежей в целом в оброчной деревне Петербургского уезда шло практически «синхронно», не ухудшая положения крестьян.

В пореформенном распределении платежей в расчете на десятину обращают на себя внимание два интервала. Отметим, что в Петербургском уезде были установлены два «высших» размера наделов и два соответствующих им высших размера оброка.

От 2,4 до 2,6 руб. платили 35,1 % крестьян. Это становится понятным, если учесть, что при высшем размере надела в 4 десятины высший размер платежей составлял 10 руб. В таком случае на десятину удобной земли приходилось 2 руб. 50 коп.

В случае, если высший размер платежей составлял 12 руб. при 3,25-десятинном наделе, на десятину удобной земли приходилось 3 руб. 69 коп. платежей. В интервале, включающем эту величину (от 3,6 до 3,8 руб. на десятину), находились платежи 12,8 % крестьян.

Таким образом произошла нивелировка, усреднение крестьянских наделов и платежей. Значительная часть крестьян получила «высший размер» надела за «высший» же размер платежей.

Следует, однако, отметить, что селения Петербургского уезда, особенно те, которые находились вблизи столицы, были настолько непохожи, что средние статистические показатели часто не дают адекватного представления о реальных процессах¹².

Интересно сгруппировать данные в зависимости от близости расположения от столицы. В первую группу можно объединить имения, находившиеся ближе 25 верст от города, во вторую — имения, расположенные вне этой зоны. Исключим при этом из рассмотрения «фабричные» селения.

В окрестностях столицы преобладала оброчная форма эксплуатации, в то время как в земледельческих, более удаленных от города, волостях крестьян, состоявших на чистом оброке, практически не было (была отмечена только одна оброчная деревня с населением в 26 душ). Здесь господствовали комбинированные формы эксплуатации: либо смешанная повинность, выполняемая всеми крестьянами селения, либо были распространены деревни, где часть крестьян состояла на барщине, часть — на оброке и часть — на смешанной повинности.

Можно отметить также, что при примерно равной в двух группах общей численности крепостных, дворовых под столицей было в несколько раз больше, чем на окраинах уезда.

У нас имеются данные о дореформенных платежах оброчных крестьян в окрестностях столицы. Средний размер оброка составил здесь

¹² Подробнее об этом см.: [1, с. 121–128].

12,94 руб. на душу м. п. и 3,19 руб. на десятину. Важно обратить внимание не только на высокие размеры платежей на душу м. п. (в некоторых волостях эти платежи были выше), но и на то, что величина платежей, приходившихся на десятину удобной земли, в этой части уезда была наибольшей в губернии (в несколько раз превосходила аналогичный показатель для целого ряда других уездов).

Во 2-й группе дореформенные платежи крестьян не анализировались в связи с практическим отсутствием оброчных крестьян.

После реформы платежи оброчных крестьян в 1-й группе на душу м. п. сократились до 10,03 руб. (на 22,5%), а в пересчете на десятину удобной земли возросли до 3,36 руб. (на 5,3%).

В целом же для всех категорий крестьян в пореформенной петербургской деревне платежи составили в 1-й группе 11,69 руб. с души и 4,06 руб. с десятины (последняя цифра является наивысшим показателем в губернии). Во 2-й группе платежи были значительно меньше (9,85 руб. и 2,46 руб. соответственно).

Сравнение показателей внутри 25-верстной зоны и вне ее показывает значительные различия, существовавшие в волостях, непосредственно примыкавших к столице и расположенных на удалении, особую ситуацию, которая сложилась в крепостной деревне пригородной зоны.

В Царскомсельском уезде ситуация с платежами было несколько иной.

До реформы в оброчной царскомсельской деревне средний размер оброка на душу м. п. составлял 11 руб. 36 коп. Платежи эти варьировались в весьма широких пределах: от 5–6 до 18–19 руб. Высокие дореформенные оброки были связаны здесь с выгодным географическим расположением уезда, развитием промыслового хозяйства и наличием существенных дополнительных заработков крестьян.

После реформы размеры платежей оброчных крестьян уменьшились весьма заметно. Средний размер оброка составил у них 9,42 руб. с души, т. е. сократился на 17,1%.

Платежи оброчных крестьян, плативших менее до 8–9 руб. с души, мало изменились. Однако практически исчезли крупные платежи, размеры которых превышали 10 руб. с души (что являлось «высшим» размером оброка после реформы, который уплачивался за «высший» размер надела в 4 десятины). Более 85% оброчных стали платить по 9–10 руб. Царскомсельские помещики были вынуждены учитывать статьи «Местного положения», запрещавшие поднимать оброк выше максимума, но постарались «подтянуть» его к 10 руб.

Средний размер платежей у барщинных крестьян после реформы составил 9,88 руб., свыше 80% крестьян платили после реформы по 10 руб. Поскольку у барщинных крестьян денежную оценку

повинностей произвести было весьма трудно, помещики практически всегда устанавливали высший размер платежей.

В целом по уезду средний размер составил 9 руб. 64 коп., по 10 руб. с души платили почти 70 % крестьян.

Рассчитаем теперь средние размеры платежей, приходившихся на 1 десятину удобной земли. До реформы в оброчной деревне эти платежи были равны 1 руб. 64 коп., а после реформы — 2 руб. 49 коп., т. е. увеличились на 51,5 %. Эта цифра аккумулирует процессы, которые происходили в уезде, показывает направление трансформации структуры крестьянских наделов и платежей. Царскосельский уезд в этом отношении является по-своему уникальным на территории Ингерманландии. Столь крупное увеличение платежей в расчете на десятину удобной земли объясняется особой ситуацией, сложившейся в ряде крупных оброчных имений уезда. Так, например, в крупном майоратном имении князя П. Л. Витгенштейна, состоявшем из 6 деревень с 696 душами м. п., сокращение площадей крестьянской земли составило около 60 %, при этом помещик не только не сократил, но даже попытался поднять размер оброка [5; 6].

Из распределения пореформенных платежей (в расчете на 1 десятину) видно, что от 2,4 до 2,6 руб. на 1 десятину платили 70 % крестьян. Это становится понятным, если учесть, что при размере надела в 4 десятины и платеже в 10 руб. с души на 1 десятину приходится 2 руб. 50 коп. Средний размер платежей на 1 десятину в целом по уезду составил 2 руб. 49 коп.

Рассмотрим платежи помещичьих крестьян Петергофского уезда. В среднем до реформы оброчный крестьянин платил здесь 13 руб. 85 коп. с души. До реформы платежи не опускались ниже 10–11 руб. Большинство оброков составляли 10–15 руб. с души, однако более 13 % крестьян платили свыше 20 руб.

После реформы средние размеры платежей оброчных сократились на 29,5 %. Для 86,8 % оброчных крестьян был установлен высший размер — 10 руб. В целом по уезду такие платежи были установлены для 87 % петергофских крестьян.

До реформы в оброчной деревне на десятину удобной земли приходилось в среднем 2 руб. 48 коп. оброка, после реформы этот показатель увеличился на 3,6 %. В целом по уезду он стал равным 2 руб. 56 коп. При этом после реформы у 85 %, петергофских крестьян размеры платежей в расчете на десятину лежали в интервале от 2,4 до 2,6 руб.

В Шлиссельбургском уезде размеры платежей оброчных варьировались до реформы в весьма широких пределах: от 2–3 руб. на душу до 18–19 руб.

Самые скромные платежи были установлены в имении коменданта С.-Петербургской крепости. И до и после реформы крестьяне платили здесь по 2 руб. 85 коп. с души [7].

В других имениях уезда платежи не опускались ниже 5 руб. на душу. Средний их размер в оброчной деревне составил 8 руб. 25 коп. серебром на душу м. п.

После реформы положение изменилось. В Шлиссельбургском уезде, так же как и в Петербургском, ряд селений находился от столицы на расстоянии ближе 25 верст. Для таких селений высший размер платежей составил по Положению 12 руб. с души. Основная же часть крестьянского населения проживала в местности, более удаленной от столицы, для которой был назначен высший размер надела в 5 десятин, а высший размер оброка — 10 руб. Этот сказалося на пореформенной ситуации.

Так, свыше половины крестьян после реформы платили в качестве оброка по 10–11 руб. с души (фактически по 10 руб.), а около 13 % — по 12–13 руб. Картина выглядела бы еще рельефнее, если бы не то влияние, которое оказывало на распределение платежей имение коменданта С.-Петербургской крепости.

Для оброчных крестьян мы имеем возможность сопоставить структуру платежей как до реформы, так и после нее. Здесь видно, что платежи менее 10 руб. с души практически сохранились, а более высокие были сокращены до высшего размера. Средний размер платежей в оброчной деревне сократился на 17,1 % и составил 6 руб. 84 коп.

Рассчитаем величину платежей на 1 десятину удобной земли. Если до реформы на 1 десятину в оброчной деревне приходилось 0,88 руб. платежей, то после реформы это количество практически не изменилось, сокращение составило всего 2 коп.

Несколько иной была ситуация в барщинной деревне. Средний размер платежей после реформы составил здесь 9 руб. 39 коп. на душу, на 27 % больше, чем у оброчных. Если же рассматривать платежи в расчете на 1 десятину земли, то здесь картина еще более рельефна. В барщинной деревне они были равны 2 руб. 89 коп., что более чем в 3 раза превышало аналогичный показатель у оброчных. Похожая ситуация сложилась в селениях, крестьяне которых состояли на смешанной повинности.

При рассмотрении такого неоднородного по своей структуре уезда, каким является Шлиссельбургский, большой интерес представляет сопоставление двух зон, присутствующих здесь: подстоличной, расположенной на расстоянии менее 25 верст от С.-Петербурга (1-я группа селений), и остальной части уезда (2-я группа). К анализу сложившейся там ситуации мы и переходим далее.

Если исключить из рассмотрения «комендантских» крестьян и сгруппировать селения по зонам, можно видеть, что и дореформенное состояние, и пореформенная ситуация в помещичьей деревне выглядели более напряженно, чем это представлялось ранее. Так, для имений 1-й группы средний размер дореформенного надела оказался заметно меньшим, равным только 4,57 десятин на душу (один из самых низких показателей в губернии), а для 2-й группы — 5,98 десятин (т. е. примерно столько же, сколько и в других близлежащих от столицы уездах). После реформы и без того малый средний размер надела в 1-й группе сократился до 3,38 десятин (на 25,6%), а во 2-й группе — до 4,87 десятин (на 18,6%).

Для 1-й группы средний размер дореформенных платежей на душу м. п. оказывается не слишком высоким (8,86 руб.), однако при этом следует иметь в виду, что средний размер надела до реформы у оброчных в этой группе оказывается крайне малым (1,78 десятин на душу м. п.). Это определило исключительно высокие средние размеры платежей, приходящихся на 1 десятину удобной земли (4,99 руб. — высший показатель в губернии). Здесь, однако, следует помнить, что в 1-й группе оброчных селений, в которых земля была точно измерена до реформы, было немного (там проживало всего 312 человек). По сути дела, здесь имеет место малая выборка, делать какие-либо широкие обобщения для столь незначительного числа крестьян было бы неправомечно.

Для 2-й группы величина дореформенных платежей в расчете на душу была равна 12,38 руб., а в расчете на 1 десятину — 1,96 руб.

После реформы платежи оброчных крестьян в 1-й группе составили в расчете на душу 8,05 руб. и в расчете на 1 десятину — 3,29 руб. Во 2-й группе платежи оброчных стали равны 9,76 и 1,99 руб. соответственно. Для всех селений 1-й группы пореформенные платежи составили на душу 11,02 и 3,26 руб. соответственно. Платежи во 2-й группе были заметно меньше: 9,82 и 2,02 руб.

Посмотрим теперь, как изменились в ходе реформы повинности ябургских крестьян. Средний дореформенный размер платежей составил в оброчной деревне 14 руб. 92 коп.

Распределение показывает, что малые платежи здесь практически отсутствовали. При этом примерно треть наделов находилась в интервале от 11 до 12 руб. с души. Характерной особенностью уезда было то, что еще треть оброчных крестьян платила очень высокий дореформенный оброк, превышающий 20 руб. с человека. По документам можно судить о хорошем состоянии ряда крестьянских хозяйств. Характерно это для тех оброчных селений, крестьяне которых уходили на заработки в столицу, уездный город Ябург и близлежащую Нарву.

Интересно, что высокие оброки, которые приближались и даже превосходили 20 руб. с души, упоминались и в выкупных документах сильных земледельческих хозяйств, занимавшихся не только выращиванием «серых» хлебов, но также овощей и фруктов.

Реформа привела к существенным изменениям крестьянских платежей. Средний размер душевого оброка у оброчных крестьян сократился весьма заметно — на 36,2% и стал равен 9 руб. 52 коп. Платежи других категорий крестьян оказались после реформы несколько выше, приближаясь к высшему для уезда размеру в 10 руб.

В оброчной деревне на десятину надельной земли приходилось до реформы 2 руб. 06 коп. Этот и без того высокий показатель вырос после реформы на 7,8%. В целом по уезду он стал равен 2 руб. 21 коп. Отметим, что при высшем размере платежей в 10 руб. и высшем размере надела в 4,5 десятины на 1 десятину приходилось 2,22 руб. оброка. Таким образом, процесс группировки наделов и платежей вокруг высшего размера отразился здесь весьма сильно, охватив примерно 80% крестьян.

Подводя экономические итоги реализации реформы 1861 г. в ингерманландских уездах, заметим, что при широком распространении внеземледельческих промыслов небольшие наделы местных крестьян не всегда являлись свидетельством их бедности, тогда как малые платежи, в большинстве случаев, свидетельствуют о слабости крестьянских хозяйств. В С.-Петербургской губернии величина оброка оказывается своеобразным индикатором уровня развития. Чем лучше в хозяйственном отношении был развит уезд, чем разнообразнее структура его хозяйства, тем выше средний размер дореформенного оброка.

В этой связи следует отметить, что район «исторической» Ингерманландии в экономическом плане был наиболее сильным в губернии, и размеры дореформенного оброка здесь значительно превосходили аналогичные показатели в отсталых юго-западных периферийных уездах губернии — Гдовском и Лужском¹³.

¹³ Небольшие по губернским меркам платежи наблюдались в некоторых развитых подстоличных зонах, например, в пределах 25-верстной зоны в Петербургском и в Шлиссельбургском уездах. Здесь, однако, это было связано с минимальными наделами крестьян рядом со столицей или даже в ее пределах. В пересчете на 1 десятину удобной земли платежи здесь составляли 3,19 и 4,99 руб. на 1 десятину соответственно (что в несколько раз превышает аналогичный показатель в ряде других уездов).

Механизм наделения крестьян землей и установления новых оброков после реформы, для которого было характерно подтягивание к высшим размерам, привел к тому, что крестьяне в большинстве случаев получали в пользование такие наделы, уплачивая высший размер платежей.

Эти высшие размеры были таковы, что в процессе реализации реформы происходило сокращение размеров наделов и платежей.

Крестьяне Ингерманландии оказались в этом отношении в более благоприятном положении, чем крепостные периферийных уездов, отстававших в силу тех или иных причин в своем экономическом развитии. Заметим, однако, что даже на территории одного уезда бывшие крепостные оказывались после реформы в различном положении. Бремя платежей в наибольшей степени оказалось ослабленным в зажиточных хозяйствах, где эти платежи были велики до реформы, в то время как в бедных оставались преимущественно отрезки надельной земли без существенного сокращения повинностей.

Поскольку в губернии шли параллельно два процесса, один из которых (сокращение наделов) приводил к ослаблению крестьянских хозяйств, а другой (уменьшение платежей) — к снижению налогового пресса, важно сравнить между собой эти изменения. Важнейшим показателем является величина оброка, приходившаяся на десятину удобной земли до и после реформы.

По сути дела, увеличение платежей в расчете на 1 десятину, происходившее за редким исключением в большинстве уездов и отдельных зон, показывает, что в ходе реформы уменьшение размеров крестьянских наделов шло более интенсивно, чем сокращение платежей в расчете на душу м.п. Следовательно, петербургские помещики, потеряв в общей сумме платежей, сумели поднять «поземельную плату» за представляемые крестьянам наделы. Компенсацией после реформы служили для помещиков и отрезанные у крестьян земли, которые в течение пореформенных десятилетий продавались и сдавались в аренду тем же крестьянам.

Конечно, изменениям в ходе реформы подвергались не только размеры наделов и платежей. Трансформировалась и структура угодий. Этот процесс, к сожалению, не удастся проследить для сколь угодно значительного количества имений. Однако и то, что известно из уставных грамот, позволяет сделать выводы о деформации структуры угодий в интересах помещиков. Эта деформация служила для них верным средством получения дополнительных доходов за счет выгодной сдачи земли в аренду, ее продажи по более высоким ценам, а также являлась способом экономического давления на крестьян.

Участки леса и сенокосных угодий, как свидетельствуют документы, весьма часто становились предметом дополнительных соглашений, закреплявших пореформенные отработки в барщинной деревне, и с другой стороны, компенсировали те потери в денежных платежах, которые произошли в ходе реформы, прежде всего, в оброчных помещичьих имениях.

Приложения

Таблица 1

Фабрики и заводы столицы и С.-Петербургской губернии в 1864 г. [8] (суммарные данные по территории Ингерманландии рассчитаны нами. – С. К.)

Города и уезды	Число предприятий, ед.	Число мастеров и рабочих		Стоимость продукции, руб.
		м. п.	ж. п.	
Петербург	368	20 249	3369	50 757 106
Петербургский уезд	80	14 759	1674	18 972 131
Царскосельский уезд	36	2828	167	2 506 551
Ямбургский уезд	18	1197	450	1 755 757
Петергофский уезд	15	399	87	348 130
Шлиссельбургский уезд	15	759	52	313 376
Все ингерманландские уезды (без городов)	164	19 942	2430	23 895 945
Все уезды губернии (без городов)	236	20 526	2436	24 365 890
Всего в губернии с городами	629	91 507	5805	77 269 468

Таблица 2

Численность сельских сословий Санкт-Петербургской губернии на 1862 г. [9] (указано число душ м. п., в скобках число душ ж. п., данные по Ингерманландии рассчитаны нами. — С. К.)

Город, уезд	Категории сельских жителей						Дворяные
	Государственные крестьяне	Колонисты	Удельные крестьяне	Временнообязанные крестьяне			
С.-Петербург	39 582 (17 052)	282 (163)	2941 (1696)	72 351 (29 449)	18 584 (9858)		
Петербургский	9506 (9537)	1028 (1110)	1097 (993)	14 829 (11 995)	807 (696)		
Шлиссельбург	104 (46)	4 (1)	0 (0)	819 (130)	32 (19)		
Шлиссельбургский	2616 (3009)	109 (84)	0 (0)	10 226 (11 076)	0 (0)		
Царское Село	361 (439)	57 (53)	107 (103)	613 (482)	206 (143)		
Царскосельский	3642 (3733)	388 (389)	17 130 (18 120)	8034 (9354)	178 (169)		
Петергоф	156 (58)	56 (51)	23 (5)	493 (200)	44 (26)		
Петергофский	3505 (3726)	469 (465)	4735 (5350)	12 312 (12 967)	306 (313)		
Ямбург	9 (3)	5 (9)	0 (1)	65 (55)	1 (0)		
Ямбургский	2614 (2805)	182 (188)	1563 (1634)	16 599 (17 698)	393 (381)		
Вся «Ингерманландия», уездные города	40 212 (17 598)	404 (277)	3071	74 341 (30 316)	18 867 (10 046)		
Вся «Ингерманландия», уезды	21 883 (22 810)	2176 (2236)	24 525	62 000 (63 090)	1684 (1559)		
Вся «Ингерманландия»	62 095 (40 408)	2580 (2513)	27 596	136 341 (93 406)	20 551 (11 605)		
Во всех городах	42 153 (18 245)	417 (283)	3568 (2155)	77 719 (31 725)	19 032 (10 204)		
Во всех уездах	54 796 (57 713)	2181 (2239)	32 564 (35 067)	132 975 (137 286)	3125 (2698)		
Во всей губернии	96 949 (76 008)	2598 (2522)	36 132 (37 222)	210 694 (169 011)	22 157 (12 902)		

Таблица 3

**Средние размеры крестьянских наделов до и после реформы
в отдельных уездах региона**

№ п/п	Уезды	Средний размер надела, десятин на душу м. п.	
		До реформы	После реформы
1.1	Петербургский уезд с фабричными обществами	3,66	3,01
1.2.1	Петербургский уезд без фабричных обществ (зона ближе 25 верст от столицы)	3,71	2,88
1.2.2	Петербургский уезд без фабричных обществ (зона далее 25 верст от столицы)	5,06	4,01
2.1	Шлиссельбургский уезд в месте с селениями «комендантских крестьян»	7,93	6,14
2.2.1	Шлиссельбургский уезд без селений «комендантских крестьян» (зона ближе 25 верст от столицы)	4,57	3,38
2.2.2	Шлиссельбургский уезд без селений «комендантских крестьян» (зона далее 25 верст от столицы)	5,98	4,87
3	Царскосельский уезд	5,79	3,91
4	Петергофский уезд	5,86	3,79
5	Ямбургский уезд	6,15	4,38

Литература и источники

1. *Кащенко С. Г.* Освобождение крестьян на Северо-Западе России. М.; СПб., 2009. С. 60–70.
2. *Тройницкий А.* Крепостное население в России по 10-й народной переписи. СПб., 1861.
3. *Кащенко С. Г.* Реформа 19 февраля 1861 г. на территории «исторической» Ингерманландии. Изменения крестьянских наделов в помещичьей деревне // История России: экономика, политика, человек. СПб., 2011. С. 85–102.
4. ЦГИАСПб. Ф. 190. Оп. 9. Д. 1006.
5. ЦГИА СПб. Ф. 190. Оп. 9. Д. 520.
6. РГИА. Ф. 577. Оп. 35. Д. 1339.

7. РГИА. Ф. 577. Оп. 35. Д. 1402.

8. *Дорогин Н. П.* Фабрики и заводы в С.-Петербурге и С.-Петербургской губернии в 1864 году. Вып. 3 / Сост. Н. П. Дорогин. СПб., 1865.

9. *Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1863 год*: В 2 ч. Ч. II. Приложение. Табл. А. СПб., 1863.